

Андрей Мансуров
Мертвячка из озера

«Автор»

2016

Мансуров А. А.

Мертвячка из озера / А. А. Мансуров — «Автор», 2016

В Сборник вошли два произведения, написанных в жанре "крутого" шпионского детектива. Я старался следовать традициям Йена Флемминга, создавшего Цикл о похождениях знаменитого Агента 007. Погони, перестрелки, поиски спрятанных сокровищ, "интеллектуальные" дуэли, разгадка жестокого убийства, коварные вражеские агенты, окопавшиеся в самом сердце столицы, супершпионская техника... Все это, и многое другое, здесь есть. Однако даже в быстро меняющемся современном мире необходимо помнить главное: Никакие сверхпродвинутые шпионские технологии и устройства никогда не смогут заменить того, что и делает профессионального Агента действительно самым грозным оружием в современной необъявленной, но от этого не менее жестокой и бескомпромиссной, войне: зоркий наблюдательный глаз, и цепкий аналитический ум.

© Мансуров А. А., 2016

© Автор, 2016

Мертвячка из озера.

Шпионский детектив.

Все имена, названия и события вымышлены. Любые совпадения являются случайными.

Сэр Томас Генри снял очки в тонкой стальной оправе, и близоруко поморщился.

Изящным (наверняка, годами отработанным) движением вынул из кармана пиджака носовой платок со скромной консервативной монограммой в уголке, и неторопливо протёр стёкла. Проверил на свет. Подышал, и протёр ещё раз. Водрузил очки на нос, и посопел, приносясь.

Плохо. Что запах, что вид нисколько его не удовлетворяли.

Он перевёл взор на женщину, стоявшую рядом.

Пышные каштановые волосы выгодно подчёркивают белизну нежной кожи почти круглого лица. Стан, тоже, конечно, немножко отличается от консервативных аристократических кондиций: вовсе не сухопарый. Зато какие бёдра!.. (Особенно на ощупь.)

Грудь – вообще: глаз не оторвать! Вырез элегантно «дорожного» платья не столько скрывает, сколько выставляет, на зависть окружающим, то, что теперь принадлежит не столько миссис Томас Генри, сколько ему. Он невольно сглотнул.

Плюс ко всему – очень милая открытая улыбка.

Да, она у него – прелесть! Вот такое, чудесно найденное – не тронутое налетом с детства вдолбленного, почти ханжеского, представления о своей родовой «высокородности», (Провалиться бы ей к ...рам, этой самой «высокородности»!) воплощенное обаяние.

– Дорогая, – сэр Генри обратился к новоиспечённой миссис Томас Генри, – Я прошу извинить за несколько ...э-э... необжитой вид нашего, так сказать, Родового Гнезда. Дело в том, что я здесь не жил, если мне не изменяет память... Ну да – со дня похорон дяди Рэндолла. То есть, девять лет. Конечно, с тех пор здесь всё... Хм. Немного запущено.

Но ничего – надеюсь, ты поможешь нам с Мерчиссоном обустроить эту мрачную громадину, и превратить её в уютное семейное гнёздышко!

Супруга с двухмесячным стажем, в девичестве Каролина (Кэролайн, как она именovala себя на американский манер) ВанЭйрих, достала косметичку, пока муж занимался своей оптикой.

Но в отличии от него она пыталась, припудриваясь и подкрашиваясь, поднять себе настроение. Поскольку её румяное и жизнерадостное личико в «улучшении» нисколько не нуждалось. А вот душа – несомненно требовала таймаута. Так что ответная улыбка оказалась несколько натянутой.

Вид этой грязно-чёрной руины, которую её супруг именoval почти с гордостью «Родовым Гнездом», нисколько повышению настроения не способствовал. Скорее, наоборот.

Даже ей было ясно с первого взгляда, что замок очень стар и запущен.

И даже плющ, ярко-зелёным полотнищем практически полностью укрывавший его неплохо, в-принципе, сохранившийся фасад, нисколько не скрашивал впечатления этой самой запущенности и... скуки.

Да, наверняка в этой сельской глубинке ужасающе скучно – как днём, так и долгими, мрачно нависающими над равниной, вечерами. И ночами – ей так и представлялось, как над ночной равниной разносится заунывный вой какого-нибудь потомка собаки Баскервилей...

Ближайшая деревня, которую они проехали, добираясь сюда, состояла всего из десяти-двенадцати домиков, кстати, выстроенных из такого же, лишь слегка обработанного, местного, камня, скрепленного потемневшей от дождей и времени известью, и своим чёрно-унылым

видом отнюдь не способствовала возникновению желания преодолеть отделяющие её от замка две мили.

Конечно, с полным правом «громадой» монолит замка назвать нельзя. Но и маленьким это сооружение не было – в ширину фасад простирался не меньше, чем на шестьдесят ярдов. В высоту же весьма напоминавшее слегка переделанную средневековую крепость строение имело всего два этажа – но очень высоких.

Протопить зимними вечерами не менее чем пятиярдовые в высоту покои, как почему-то сразу подумала Кэролайн, будет нелегко.

Разумеется, отдавая дань традициям архитектуры и аристократизма, передняя часть замка выходила на приветливую лужайку с фонтаном, вокруг которого и шла, собственно, подъездная дорожка, и деревья старого парка стояли редко, и почти ничего не затеняли. Однако в глубине, за замком, явно виделись верхушки густого и не слишком ухоженного, практически леса – с левой стороны строения. С правой же густые заросли камыша и кустов скрывали что-то вроде небольшого озера.

Возможно, остатки оборонительного рва вокруг владений древних феодалов.

Высоченные двери из старого, и тоже почти чёрного дуба дрогнули, скрипнув.

Одна из створок медленно и торжественно распахнулась, открыв взору всё ту же настораживающую черноту. Словно материализовавшись из пустоты, в проёме неторопливо возникла гротескно прямая фигура, и по ступеням сошёл пожилой мужчина. Его осанка и походка, отработанные за долгие годы, сказала бы ей кто он, даже если бы на нём не было отлично сидящей и почти новой ливреи.

– Дорогая... – сэр Томас слегка запнулся, давая дворецкому подойти. – Позволь тебе представить Мерчиссона, нашего, так сказать, фамильного дворецкого. Мерчиссон – это миссис Томас Генри, она теперь полноправная хозяйка «Большого озера».

Сэр Томас оглянулся на таксиста, уже выгрузившего из багажника пять чемоданов, две сумки и шляпную коробку, и поторопился добавить:

– Мерчиссон! Будь любезен позвать Ганса, и приказать ему перенести в комнаты наш багаж.

Мерчиссон, которому новоиспечённая хозяйка вежливо и слегка испуганно улыбнулась, склонился в глубоком поклоне. И только выпрямившись, неожиданно глубоким голосом ответил, придав тону положенную долю торжественности:

– Очень приятно познакомиться, миссис Томас Генри! Для меня будет честью служить столь очаровательной Хозяйке, – выделив это слово, он развернулся к хозяину, и намного сдержанней произнёс, – Слушаюсь, сэр. Немедленно распоряжусь, – после чего сделал приглашающий жест, пропуская приехавших в замок.

Переглянувшись, молодожёны вошли, поднявшись по трём широким, но сильно выкрошившимся ступенькам. Сэр Томас старался бодрым видом хоть как-то поднять явно упавшее настроение своей супруги, гордо сообщив:

– Этот замок начали строить в тысяча четыреста шестьдесят четвёртом году. А закончили только через сорок лет!

– Знаешь, дорогой... В это я запросто могу поверить. Если бы ты сказал, что он стоит ещё со времён норманнов, я и то поверила бы! – нескрываемое разочарование «родовым гнездом» сквозило не только в тоне новоиспечённой хозяйки, но и в нервном движении точёного плечика.

Мерчиссон, войдя сразу за ними, закрыл дверь, после чего позвонил в колокольчик, лежавший на трёхногом, скорее уж похожем на этажерку, столике. Почти мгновенно появилась горничная в белом и отлично накрахмаленном переднике.

– Майра, – в тоне Мерчиссона звучала гордость и удовлетворение, словно это лично он выбрал хозяйину такую красавицу в жёны, – проводи миссис Томас Генри и сэра Генри в их апартаменты.

Мерчиссон удалился, очевидно звать на подмогу Ганса, горничная вежливо поклонилась:
– Здравствуйте, миледи.

После чего ничуть не смущаясь, буквально впиалась искрившимися неподдельным интересом глазами в молодую женщину.

Однако Кэролайн не обиделась – во взгляде Майры читалось ещё и неприкрытое восхищение: заметно было, что новая госпожа произвела. Впечатление. Голос у девушки оказался звонким:

– Прошу сюда, миссис Генри... и вы, сэр. – она провела их по правой части монументальной, и украшенной помпезными балясинами, парадной лестницы, на второй этаж.

О! Кэролайн удивилась. Здесь оказалось заметно, что заботливая женская рука касалась «раритетов» и фамильных чертогов – с тем, чтоб придать всему, если не уют, то хотя бы ощущение, что ты – не в музее.

Если в прихожей было темно и тихо, и витал явственный запах пыли веков, то на втором этаже ощущение, что люди всё ещё живут здесь, пересиливало общее впечатление запущенности. Пыли не обнаружилось нигде – даже на развешанных по стенам старинным алебардах и мушкетах. А в воздухе даже витал еле уловимый запах смеси для полировки – что-то с воском и канифолью... Да, черт его задери, Кэролайн отметила, что старинные, матово блестящие дубовые панели, которыми был облицован коридор до середины высоты, смотрятся великолепно. Хоть и темноваты, конечно.

Майра повела их в правое крыла замка по широкому коридору. Примерно посередине он делал крутой поворот – да, верно, замок ведь построен в виде буквы «П» – после чего продолжался ещё добрых сорок ярдов. Впрочем, комнаты супругов оказались практически посередине бокового крыла, и так далеко идти не пришлось.

Гостиная Кэролайн оказалась светлой и уютной. Стены, судя по всему, недавно, оклеили новенькими обоями в светло-зелёном тоне: гирлянды полевых цветов на них неплохо смотрелись. Правда, общее впечатление несколько портили высоченные потолки – в высоту почти квадратная комната явно была больше, чем в длину и ширину. Огромнейший камин, расположившийся у боковой стены, недавно выбелили, и своим почти двухъярдовым тёмным зевом он придавал помещению консервативности – как бы в противовес легкомысленным цветочкам обоев.

Интерьер составлял диван и два кресла, вполне в стиле прошлого века – с изогнутыми и резными ножками и спинками. Ткань обивки соответствовала обоям. Старинное бюро, располагавшееся в углу, впрочем, реставрации уж точно не подвергалось, и сиротливо чернело потускневшим деревом.

Вызывающе контрастируя с общим торжественно-старинным духом, напротив дивана висел огромный экран современного телевизора, а в углах стояли колонки.

Кэролайн, повинувшись смутной догадке, подошла и постучала по стене костяшками пальцев. Сэр Генри, с полуулыбкой наблюдавший за действиями супруги, подтвердил её догадку:

– Совершенно верно, моя дорогая! Всё обшито свежими досками, и уже затем оклеено обоями! А старый почерневший резной дуб только придавал бы мрачности твоему будуару. Ну, ты же помнишь, как оно там, в коридоре?.. Посмотрим спальню?

Что бы ни подумала молодая женщина про столь странное обращение с достоянием предков, она попридержала это при себе, пройдя в спальню уверенной лёгкой походкой. Вопиющее варварство! С другой стороны приятно осознавать, что ей пытались создать комфорт. И настроение – повеселей.

Потому что если бы здесь, и правда, стены остались как в коридоре – хоть «караул!» кричи...

Спальня оказалась гораздо больше – в длину не менее семи ярдов. Её украшали обои уже в голубом тоне, с морскими мотивами – русалки, рыбы, парусники...

По центру дальней стены возвышался монументальный реверанс эпохе королевы Виктории: массивная и очень широкая кровать под высоченным балдахином, со всех сторон завешенная газовыми занавесями. Сбоку от кровати располагалась дверь – как сразу подумала молодая женщина, в спальню её супруга.

Второй простенок занимала картина, потемневшая от времени и довольно большая – не меньше ярда в ширину, и двух – в высоту. Вычурно резная рама, да и смутно проглядывавшая на ней фигура совершенно почернели, хотя сама резьба потрясала великолепием – вот уж старались раньше мастера! На века!

Остальная мебель была вполне в духе будуара – с гнутыми и резными ножками, спинками и подлокотниками. Туалетный столик оказался ничуть не меньше обеденного стола: на нём запросто поместились бы все коробочки и флаконы, которые Кэролайн привезла. И ещё можно было бы улечься самой, если бы возникло такое желание. Правда, зеркала могли бы быть и не столь тусклыми. Зато, как, видя её интерес, не без гордости сообщил супруг – «Настоящие венецианские!»

– Ну, что скажешь, дорогая? Не зря плотники и декораторы старались два месяца? – в тоне сэра Генри сквозила неподдельная гордость. Он действительно старался скрасить ей невольное заточение хотя бы радостными тонами и экзотикой – но в комплекте с современными удобствами.

Да, за дверью у кровати оказалась именно ванная комната, а вовсе не спальня сэра Генри. И она была оборудована прекрасно: тут имелся и бассейн, (Иначе эту глазурованную громадину и не назовёшь!) и душ, и раковина со всеми полочками, и зеркалом с подсветкой... Зелёно-голубой кафель стен и пола уложен мозаикой в стиле греко-римских бань.

Всё было бы превосходно – вид несколько портила огромная колонка для подогрева воды, занимавшая целиком один из углов. Хотя её и раскрасили под цвет кафеля, она не слишком вписывалась в интерьер.

Видя, что супруга чуть наморщила носик, сэр Томас поспешил пояснить:

– Извини, Кэролайн. У нас ведь нет горячего водоснабжения. Зато есть газ. Так что воду тебе придётся брать отсюда, – он постучал по железному мастодонту, – а включать его будет Майра. Только говори ей хотя бы за полчаса – быстрее вода не нагреется.

Сделав паузу, он с почти не скрываемым беспокойством спросил:

– Ну... как тебе... Все? – он обвёл рукой как бы охватывая и обе её комнаты, и ванну, и весь замок в целом, – Не слишком... э-э... мрачно?

Кэролайн действительно по достоинству оценила масштаб усилий, предпринятых для того, чтобы удобно устроить её, коренную жительницу Амстердама, со всеми возможными удобствами здесь, в почти средневековой берлоге.

Поэтому ответила вполне искренне:

– Милый, спасибо! Всё действительно чудесно. Я поражена твоему... революционному подходу – не каждый решился бы столь радикально отойти от... традиций Прошлого. Я думаю, что смогу подождать полчаса, – она тоже похлопала колонку, – А всё остальное – просто великолепно.

– Я так рад, что тебе понравилось... – он нежно привлек её за мягкую талию и чмокнул в ушко.

– Да, мне всё понравилось. Ну что, пойдём теперь посмотрим, как там что «у тебя». Чтобы я уж в полном масштабе оценила подвиг, на который ты согласился, переделав мои интерьеры.

«Милый» расплылся в довольной улыбке:

– Конечно, дорогая! Идём.

В спальне вдруг послышались тяжёлые шаги, стук чего-то большого, опускаемого на пол, и вздох явного облегчения. Когда Кэролайн с супругом вернулись в спальню, они обнаружили четыре её чемодана, поставленные у огромного шкафа. Крупный мужчина, стоявший спиной, резко повернулся, и, увидев выходящих из ванной комнаты супругов, сказал:

– О, прошу прощения, миссис Генри, и вы, сэр... Я постучал – но никто не ответил. Вот я и позволил себе... – он показал рукой на то, что и так было ясно.

– Ничего, Ганс, всё в порядке... Дорогая, это – Ганс. Он у нас и шофёр, и секьюрити, и... ещё много чего. Ганс – это твоя новая хозяйка!

– Очень приятно, миссис Томас Генри. – Ганс вежливо поклонился. Прочсть какие-либо эмоции на его явно скандинавском лице было невозможно, но глаза блестели хитрецей, – Я, с вашего позволения, пойду, сэр? – это был полувопрос-полуутверждение, обращённый к сэру Генри.

– Да, Ганс... Спасибо. – показалось Кэролайн, или её муж чуть заколебался, прежде чем поблагодарить Ганса, которому, честно говоря, больше подошла бы должность вышибалы в каком-нибудь ночном клубе? Шофёр-секьюрити-и-ещё-много-чего, сохраняя каменное выражение на лице, но поклонившись вполне вежливо, удалился.

Покои сэра Томаса являли, «так сказать, исторически сложившийся интерьер» поместья «Большое озеро».

Кэролайн долго водила руками по великолепной резьбе панелей стен, поражаясь трудолюбию мастеров, и неумолимому действию времени: дуб стал совсем чёрным, и крошечные редкие дырочки – работа жуков-точильщиков – только подчёркивали его прочность.

Здесь почему-то воском панели никто не натер.

Странно: уж к хозяину-то могли бы отнестись повнимательней. Или – он сам запретил?

Сами комнаты были почти точной копией её апартаментов. Не было только великолепного двуспального «королевского ложа»: его заменяла простая и скромная кровать из ДСП, обшитого плёнкой под дерево. Кэролайн почесала в затылке:

– Я смотрю, дорогой, ты подготовился ко всему... Даже – к «королевской немилости»!

– Ну что ты, сокровище моё! Должен же я был на чём-то спать, пока мы не встретились!

– А как же... Это монументальное ложе – там, у меня?

– Ну уж нет. Спать под балдахином!.. Да ещё на пуховых перинах... Нет, *настолько* я не избалован! Да и вообще – я же говорил, что последний раз бывал здесь девять лет назад – вот тогда я и спал в последний раз на этой кровати. В детстве, конечно, мы жили здесь с матерью года три... Ну а потом я уехал учиться. И работать.

– Зато теперь ты уж точно можешь не работать! И вести, «так сказать», праздную жизнь родовитого аристократа! Устраивать Приёмы, фуршеты, охоту... Или, на худой конец – литературные вечера. Вот только кто сюда приедет, в нашу глушь?

С одной стороны, сэру Генри было приятно, что пусть глушь – но уже «наша».

Но с другой – его супруга права. Кто захочет забираться к ним, пусть и в Родовое Гнездо, со всеми этими ветхими, хотя и высокохудожественными атрибутами, преодолев для этого пять миль отвратительной дороги.

– Кэролайн! – он подошёл и взял её руки в свои, – Конечно, я хотел бы, чтобы мы вели тот же образ жизни, что и до свадьбы... Думаешь, я не понимаю, что такая юная и очаровательная девушка не должна прозябать здесь, в этой ужасающей дыре?.. И, разумеется, тебе нужны подруги, коллеги, студенты. Здесь, к сожалению, преподавать действительно некому.

Но – я тоже согласился на жизнь здесь не с лёгким сердцем. Ты же помнишь: это просто один из пунктов Завещания. Что – как только я женюсь, то очередной наследный сэр Томас Генри должен появиться на свет только в стенах «Большого озера»!..

Ну что мне прикажешь делать – эта замшелая традиция соблюдалась почти пять веков! – он тяжело вздохнул, глядя её руки, и не смея взглянуть в глаза. В таком положении была особенно заметна его начавшая лысеть макушка.

Кэролайн усмехнулась про себя: пусть он старше её на девять лет, но временами напоминает затюканного ребёнка. Все эти «родовые традиции», «дворянская честь», и прочие неотъемлемые атрибуты уклада жизни английских аристократов не слишком впечатляли её. Хотя, как человек широких взглядов, и вполне толерантный член общества, она признавала саму возможность весьма значительного влияния всего этого на жизнь и поступки заложников пресловутого «Фамильного долга»...

– Не расстраивайся, милый. Пока есть мобильный телефон, – она похлопала по сумочке от «Дольче и Габбана», – подруги никуда не денутся! Да и не так уж страшно тут у вас. Подумаешь, немного пахнет тиной... Где-то чуток пыли, или паутины. Ерунда! Два-три месяца, пока малыш не проявится сильнее – мы с Майрой уж подсуеетимся!

Будет у тебя то ещё «родовое гнездышко!»

– Спасибо, драгоценная жемчужина в короне моего герба! Ты проливаешь мне на душу просто целебный бальзам! – он торжественно воздел руки к небу. Потом опустил их и хмыкнул, – Ну а если серьёзно – я очень рад, что ты согласна взять, так сказать, в свои нежные ручки бразды правления этой дырой. Честно скажу – как управлять такой громадиной, я даже не представляю... Ты же видела, во что я превратил свою квартиру.

– Ничего, сэр Томас Генри, ничего... Даст бог, методом постепенного приближения мы ограним и отшлифуем этот запущенный и забытый на фоне Шотландских лугов и болот, бриллиант.

– Спасибо, дорогая... Я знал, что ты у меня умница! Да ещё и какая хозяйственная!

Ну что, пойдём посмотрим веранду внизу? Она выходит прямо в парк, и там можно устраивать летние завтраки, так сказать, почти на лоне девственной... – обняв супругу за ещё не начавшую расплываться и «приятную на ощупь» по его неоднократным заверениям, талию, сэр Генри вывел её из своих покоев вновь в коридор, и голоса затихли.

Не прошло и пары минут, как в опустевшей комнате послышалось редкое, а затем и уверенное тиканье – очевидно, жуки-точильщики снова взялись за многовековую неустанную работу.

Веранда понравилась Кэролайн.

Она была не слишком большая – шесть на четыре ярда, зато с отличной крышей, и прекрасным видом – пусть на сильно запущенный, но самый настоящий лес. Располагалась она в противоположном от спального, крыле замка. Сам замок, конечно, знал и лучшие времена, но всё же при ближайшем рассмотрении носил следы кропотливой работы, и обжить его было вполне реально.

Понравился Кэролайн и обед, сервированный в огромном «парадном» зале первого этажа.

Повар у сэра Генри оказался пусть пожилым, но уж настолько профессиональным!

Такой кухней не смогли бы похвастаться десятки пыжащихся и пиарящихся в борьбе за клиентов, работающих «под аристократизм» новомодных отелей и гостиниц, которые они посещали, пока длился довольно долгий период «ухаживания».

По её настоянию весьма объёмного в поясе кулинара в не совсем белом (Простительно, когда приготовил столько вкусностей!) переднике, пригласили в обеденный зал, и миссис Томас Генри лично выразила ему своё восхищение вкусом приготовленных на обед блюд.

Пробормотав что-то вроде «благодарю, миледи», повар поклонился, и упятился, стараясь не поворачиваться к ним задом. Сказать, остался ли он доволен похвалой, или наоборот,

было невозможно – широкая борода и грозно нависшие валики кустистых бровей совершенно скрывали выражение очень – ну, очень! – широкого лица.

Попросив «дорогого» прийти «пожелать ей спокойной ночи» не раньше, чем она приведёт себя в порядок – то есть часа через два – она отправилась в свои весёленькие покои.

Вставив зарядное устройство телефона в розетку (Насущная необходимость!), новоиспеченная аристократка добрый час после обеда посвятила «задушевному» разговору с самой «заклятой» подругой, всю жизнь мечтавшей о благородном и богатом муже, и заведшей для этого разнообразные, стоившие массы нервов и денег, связи в соответствующих кругах. Ну, уж Кэролайн, хоть и хлопала по ногам, ругаясь вполголоса на гудящую гвардию налетевших комаров, не упустила случая надавить, как бы невзначай, на пару самых любимых мозолей:

– ...да, дорогая... Сказал, что предки собирали это четыре века: и мушкетеры, и эти... Как их... алебастры, и мечи... О, конечно – развешано по всему замку! Нет, я сама, разумеется, ничего в этом не понимаю, но Томас приглашал эксперта-оценщика из Глазго... Пятьсот тысяч, по самой скромной оценке... Нет – фунтов, конечно – кому здесь нужны эти дурацкие евро: тут все – консерваторы до корней мозгов!.. Нет, немного скучновато. А комаров тут – ты не представляешь!.. Да, озеро прямо под окном... Бывший ров, конечно... Нет, купаться-то уж точно нельзя – зато ну очень похоже на феодальный замок, как их рисуют на всех картинах!.. Что? Да, начинаю вживаться в образ благородной Леди!

Следующий час она, не вызывая, разумеется, никакую Майру, осваивала бассейн.

Ночь, проведённая на кровати с балдахинном, в объятиях ласкового, и слегка поседевшего и располневшего, но – в полной мере «мачо», вселила в её душу необходимую дозу оптимизма.

Заодно она оценила и необходимость газовых занавесей – мириады комаров, поналетевших с болотистых полей почти нетронутого сельским хозяйством края, своим гулом вначале сильно раздражали. Но окна приходилось держать открытыми – сэр Генри ещё не озаботился установкой кондиционера. По его словам, это могло повредить «микроклимату» замка – начали бы коробиться картины, гобелены, рукоятки «алебастр» и т. п. ...

Зато потом, когда они, уже уставшие и довольные, лежали, мирно переругиваясь об имени будущего наследника, оказалось, что под этот гул замечательно спится...

Теперь Кэролайн уже не планировала, как в начале, сразу после того, как разрешится от бремени «очередным наследным сэром Генри», мирно покинуть ещё лет эдак на двадцать «родовое гнездо», чтобы жить во вполне современных квартирах Лондона, которых ей дедушка оставил сразу две.

Нет, она уже почти с энтузиазмом обдумывала, какой бы мебелью обставить их жилые комнаты, и где бы ещё подреставрировать, чтобы не стыдно было показать друзьям и зал со старинным оружием – настоящий филиал музея! – и сильно обветшалую оранжерею с чахлыми фикусами. Не помешало бы и навести порядок в неухоженном цветнике, приютившемся между двумя боковыми крыльями замка. А уж про жуткое болото, которое её супруг гордо именовал «озером» и говорить нечего – вероятно, его нужно просто засыпать. Может, тогда и комаров не станет...

К сожалению, третью ночь в её новом «владении» Кэролайн пришлось проводить одной.

Сэра Генри вызвали с утра в город – а ещё бы!.. После того, как Председатель правления банка «Стандарт полис... чего-то там» (она не запоминала) два месяца отлынивал от своих основных обязанностей, пусть и по столь уважительной причине как медовый месяц, «очень важных дел» накопилось немало! Так что «дорогой» отправился «повышать материальное благосостояние» их молодой семьи, Кэролайн же решила полежать подольше в постели.

Только теперь, когда несколько улеглось волнение и суета последних трёх-четырёх месяцев, она могла, наконец, спокойно оглянуться назад, и трезво взглянуть на ситуацию.

А что – неплохая, в принципе, ситуация.

Вот она лежит, простая голландская преподавательница английской филологии в университете Амстердама. Ну, не без «благородных», конечно, кровей... И, конечно, она могла бы прекрасно прожить, сдавая в аренду две Лондонских квартиры, что оставил по завещанию дедушка... Или даже на небольшую, но стабильно поступающую ренту, оставшуюся от матери.

Но ведь она же жаждала свободы и независимости!.. Как знать: если бы она не преподавала, может, их пути с Томасом никогда б и не пересеклись.

Конечно, он вначале скрыл, что Наследник, Председатель, и все прочие свои данные великолепного кандидата в «принцы на белом коне»... Однако её он заинтересовал не своими даже отменными физическими кондициями.

Нет, скорее уж она влюбилась в его спокойствие – неколебимое и монументальное – почти как эта самая кровать! – и немодные, редкие, и совершенно уникальные манеры рыцаря двенадцатого века! Ах, всё это вызывало такую приятную ностальгию...

Словно читаешь роман Вальтера Скотта!

Конечно, с юмором у Томаса было бедновато. Но кто же знал тогда, что он руководит Банком – должность, не слишком-то располагающая к шуткам и смеху. Да и потом, пусть он на девять лет её старше, но – если не считать некоторой... склонности к облысению и полноте – внешне они почти ровесники! И так приятно было слушать нотки раздражения, и с трудом скрываемой зависти в голосе Белинды... Вот её-то она точно пригласит, когда вычистит все углы и выметет паутину!

Выбравшись из постели, Кэролайн направилась к громаде шкафа.

Да, вот уж мебель, так мебель! Прослужит ещё лет триста. Что же одеть?..

Она остановила свой выбор на сером фланелевом костюме, явно не пострадавшем бы, даже если бы она и нашла и раскопала многовековые залежи этой самой пыли...

Завтрак в одиночестве в огромном обеденном зале несколько напряг её – хотя Майра и весьма приветливо обслуживала её, чувствовать себя под готическим сводом пятиардного потолка длиннющего помещения хозяйкой всего этого... Было как-то непривычно и странно. Однако она продолжала мужественно игнорировать монументальные готические своды над головой, и мило улыбаться.

Не столько для Майры, сколько для самой себя.

А чего ей нервничать? Она – Хозяйка!

Начать работу над поместьем, придётся, наверное, всё же с оранжереи. Туда она и последовала – да, теперь ей по рангу полагается не ходить, как прочим смертным, а «следовать», или «почтить своим присутствием»: она же – мать их! – Аристократка!..

Оранжерея, пристроенная к торцу одного из боковых крыльев дома, сохранила остеклённую крышу. Но кое-где были видны потёки от явно протекающей дождевой воды. Хм. Значит – придётся установить новые прокладки взамен сгнивших. Это дешевле, чем ставить новую алюминиевую раму и стеклопакеты... Уж в этом-то она разбирается.

Так, теперь грунт. Поковыряв его стоящей тут же, в углу, лопатой, она убедилась, что грунт слежался, и истощён. Ну, заменить его тоже не столь дорого. А вот растения...

Четыре агонизирующих фикуса, все в перьях засохших веток, явно подъёму настроения не способствовали. Засохший куст. Жасмин! Так, а это что было?.. А, ирисы. Нет уж. Пусть лучше будут тюльпаны. А если не тюльпаны – так хотя бы гвоздики.

Но в целом помещение размером десять на шесть ярдов ей понравилось – оно точно придаст уюта и аристократичности их Поместью. Что ж, с этим понятно. Теперь посетим парк.

Парком Кэролайн осталась довольна куда меньше. Он нуждался в посадке молодых деревьев вместо засохших и сгнивших, а так же в хорошей дорожке, мощёной плиткой... Или хотя бы асфальтированной – иначе «прогуливаться» после дождей придётся по колено в грязи.

Ещё час ушёл на осмотр внутренних помещений. Посетила она даже кухню – чем насупившийся шеф-повар уж точно обрадован не был. На её вопрос, он, впрочем, вежливо ответил,

что «ничего в интерьере он изменить не желал бы, и его отца и деда вся планировка, и даже старинные печи, вполне устраивали, значит – и его устраивают!» Предложение помыть окна без энтузиазма восприняла уже Майра, тоже находившаяся на кухне.

Вернувшись к себе в кабинет, после обхода всех цокольных и подвальных помещений, часть из которых, впрочем, оказалась заперта, Кэролайн облегчённо вздохнула.

Сняла костюмчик, действительно сильно пропылившийся. Одеда роскошный восточный халат, в котором ещё не красовалась здесь ни перед кем. Зеркало, хоть и было тускловатым, её юной прелести и статности не скрывало. Конечно, стиль не Коро*, а скорее, Рубенса*... Но – она хороша. Даром, что ли – такой аристократ «клянул»!..

*Коро, Рубенс – художники.

Повертевшись, она прошла в спальню – к картине.

Она давно хотела рассмотреть её получше, но всё не получалось – ночью она была занята. В другом месте. И другими делами. А днём отсветы солнца делали поверхность просто белёсым отсвечивающим пятном. И вот теперь, слегка занавесив ближайшее окно, она оценила древний шедевр по достоинству.

На заднем плане густой лес. Было легко понять, что это лес, хотя всё давно превратилось в сплошную тёмную массу неопределённых очертаний.

На переднем же стояла женщина в нижнем бельё – догадаться, что это ночная рубашка легко можно по отсутствию оборок на талии, и по отделке ворота...

Лицо женщины опущено книзу. Так, что длинные волосы пышной копной падали почти до колен. Однако лицо отражалось в воде пруда, или озера, на самом краю которого женщина стояла.

Выражения, которое художник придал отражению в воде, рассмотреть почти невозможно.

Но почему-то Кэролайн казалось, что на нём написан дикий ужас – глаза расширены, рот сведён судорогой... Или это – причуды померкших и растрескавшихся красок?.. Или – искажает чуть морщимаая ветерком поверхность пруда? И почему женщина стоит, опустив голову, раз уж её переполняют столь сильные эмоции?..

Хотя – не придумала ли она сама себе всего этого?! Как можно судить о чувствах по искажённым рябью чертам? Да и лицо было расположено наоборот – вверх ногами! И с чего бы это она домыслила... Или придумала *такое*?!..

Словом, странная картина. Написанная явно с отступлением от традиций XV11-XV111 веков...

Проведя по поверхности рукой, она убедилась, что пыли нет, и вся поверхность покрыта тонкой сеткой патины. Похоже, подлинник.

Нет, реставрировать её она не будет: скорей уж отправит в зал с оружием, а сюда повесит... хотя бы натюрморт. Ну, или свой портрет – с ребёнком на руках! Осталось только родить его. И заказать портрет. Профессионалу. А уж их тут, в Англии, предостаточно. Впрочем, как и там, откуда родом она.

Ужин-обед прошёл совсем не так весело, как ей хотелось бы. Вроде, она ничего не делала, но ощущала усталость. Хорошо, что дражайшему супругу можно хотя бы позвонить.

– ...нет, моя радость, ещё не разобрался... Да, как-нибудь переночую у себя... Наверное, задержусь ещё на пару дней!..

Как же, «на пару!..» Знает она эти обещания ответственных работников!

Ещё одна ночь в одиночестве, пусть и на подлинно королевской кровати, вовсе не вдохновляла её. Посидев перед экраном настенного телевизора в гостиной, она решила, что кормить местных комаров больше не желает.

В постель, за занавеси, забралась с книгой.

Однако чтение почему-то не шло. Казалось ей, или странная картина немного... сместилась? Нет, висит, как всегда. Но что тогда – не так? Нет, точно – не так!

Дьявол задери, она всё равно выяснит!..

Включив весь верхний свет в дополнение к боковым светильникам, она встала прямо перед картиной. Ага, вот с этой точки изображение не отсвечивает...

Чёрт!..

Но разве такое возможно?! Ведь только сегодня днём она внимательно...

Странно. Она могла бы поклясться чем угодно, что днём, когда она разглядывала картину, лица фигуры видно не было – всё его закрывали волосы, и только в отражении в воде...

Но теперь часть лица оказалось видно и в верхней части картины: словно женщина медленно, преодолевая страшную тяжесть, пытается поднять голову, и взглянуть на неё... Вот, пожалуйста – стал заметен подбородок... нос и лоб.

Правда, пока сильно искажённые, но – однозначно: подбородок, нос и лоб!

Впрочем – почему «пока?» Она что же, в самом деле, думает, что женщина поднимет лицо полностью?!..

Чушь какая...

Подойдя ближе, она придирчиво ощупала раму. Хм... Нет – рама – та самая! Она отлично запомнила вот эти и эти завитушки, и трещинку – вот здесь. Никакой речи о подмене быть не может.

Да и кому это надо?! И... зачем?!

Ох уж эти старинные замки с их кровожадными и коварными владельцами...

И дурацкими легендами.

Она была точно уверена – попроси она Томаса, и он расскажет что-нибудь «родовитое», и трагически-мистическое про эту самую... Давнюю прародительницу! Типа, мол, несчастная любовь... Поруганная честь...

Пахнет суицидом...

Нет уж! Не будет она ничего спрашивать.

А если захочется страшилок – вон, есть Стивен Кинг, Лавкрафт, Дик, и прочие борзописцы... А ещё море фильмов – достаточно включить дивиди-проигрыватель.

Погасив верхний свет, она фыркнула, и забралась в кровать.

Вот чёрт, опять все икры искусали... Придётся взять крем – иначе будут болячки там, где она чесала.

Больше она не читала, но уснула вполне... быстро.

Утро не способствовало бодрости духа и подъёму настроения.

За окнами оказалось серо, и слышно было, как ветер завывает в высоченных каминных трубах на крыше. Подойдя к окну, она убедилась, что накрапывает дождь. Ладно, надо одеваться и завтракать.

Даже после завтрака она не почувствовала себя бодрее. Энергия, переполнявшая её вчера при взгляде на доставшееся фамильное чудо, которое надо преобразить на зависть соседям и друзьям, куда-то испарилась. Поэтому она побродила по гулким и тёмным коридорам первого и второго этажей в своём роскошном халате, пытаясь вернуть утерянный энтузиазм, однако поскольку тот растворился где-то в вое ветра и стуке дождевых капель о стекла, плюнула, и пошла смотреть телевизор.

Через полчаса, убедившись, что несмотря на триста каналов, ловимых немаленькой тарелкой, смотреть практически нечего, плюнула и на это «увлекательное» занятие.

Значит, придётся-таки заняться полезным делом.

Она прошла в гараж. Ганс, кажется, несколько не удивлённый её появлением, оставил лежать на козлах что-то огромное и механическое, напоминавшее мотор автомобиля, которым до этого занимался, и перетащил сравнительно целый шезлонг в оранжерею.

Плед и подушки она принесла сама.

Порывшись в одном из своих чемоданов, Кэролайн нашла, что хотела.

Полусидя-полулёжа она где-то с час мужественно вязала пинетки для крошечных ножек – вот спасибо бабушке, что научила в своё время. Мерзкая погода за это время несколько не улучшилась. Хорошо хоть, дождь не лил сплошным потоком, а налетал потоками мелких брызг с порывами ветра.

Так что крыша пока держалась, и на неё не капало.

Но через час она сдалась – выждав время обеденного перерыва, позвонила мужу.

– Дорогой! Не хочу тебя расстраивать, но... Словом, если сегодня не приедешь ночевать – я тут с ума сойду... Нет, не нервничаю... Чёрт!.. Говорю же – никаких истерик!.. Словом – жду!

«Дорогой» действительно соизволил прибыть.

Да ещё на восстановленной, наконец, машине.

Так как поливало уже словно из ведра, оценить всю сомнительную прелесть «эксклюзивного» Астон-Мартина пятьдесят восьмого года она смогла только в гараже. А там не больно-то обойдёшь вокруг хромировано-причудливой мокрой железяки.

Впрочем, когда на её наивный вопрос сэр Генри сообщил, что такой вот коллекционный экземпляр стоит почти полмиллиона, она согласилась, что да, пожалуй, такой автомобиль способен придать солидности Председателю правления получше, чем даже навороченный современный «Майбах»...

Ужин прошёл куда веселей, чем два предыдущих.

С подозрением оглядев картину (ничего не изменилось), она забралась в постель, и «дорогой» не заставил себя ждать... И не разочаровал её.

Однако ночью она внезапно проснулась – словно кто-то толкнул её в бок.

Дождь прекратился, и в комнате витал чудесный запах мокрой земли и зелени. Даже комары заткнулись. Но – вот опять!.. Или это ей почудилось?..

– Эльза... – тихий женский голос явственно раздавался из-за окна, и она была уверена, что этот самый зов и разбудил её.

Она глянула на Томаса. Он вполне мирно спал, повернувшись, как и положено примерному супругу, носом к стене. Нет, она не станет будить его... Мало ли, что там кажется беременным! Может, у неё – вот именно! – слуховые галлюцинации?

– Эльза!..

Кажется ей, или голос стал громче и настойчивей?!

Выбравшись из-под полога и засунув ноги в тапочки, она подошла к окну.

Гос-с-споди!!! Теперь ещё и глюки!..

Она отлично *видит* – вон, фигура в белом!

Отчётливо маячит на дальнем берегу болота-озера, чернеющего прямо под окнами её спальни. Видны даже протягиваемые к ней руки!.. Невольно она кинула взгляд на картину. (Нет! Никуда эта зар-раза не делась!) Но...

Да, будь оно неладно! Фигура – один в один!..

Но – там, на берегу?! Мысль её спросонья никак не могла сосредоточиться на чём-то одном: то ли разбудить Томаса, чтобы он взглянул...

То ли разобраться как-то самой (Но – как?!). То ли... Просто плюнуть на всё, и лечь спать дальше.

Подумав, она всё же тихонько, а когда не возымело действия, и громко, позвала:

– Милый! Томас... Да Томас же – чтоб тебя!.. – за секунду до того, как она совсем уж было надумала неаристократично пнуть милого в тощий зад, он заворочался, и уставился на неё ничего не понимающим взором из-под занавесей. – Ну-ка, подойди сюда!

Молодец. Он не стал переспрашивать, или возражать, а просто встал и подошёл к ней, прихватив с тумбочки очки.

– Посмотри туда, – она указала пальцем, хоть это и не принято в приличном обществе, – Ты там... что-нибудь видишь?

Фигура с протянутыми к ней руками, как ни странно, никуда не делась. Но Томас или очень удачно притворился, медленно водя взглядом по дальнему берегу, либо и вправду никого не видел. О чём и сказал ей вполне честно:

– Дорогая... В чем дело? Я не вижу ничего... э-э... необычного. Что конкретно ты имеешь в виду?

– Ну... мне показалось... Вон там, – она снова ткнула пальцем, – Стоит, вроде бы, какая-то белая фигура! Женщина в ночной рубашке. И ещё она как бы зовёт: «Эльза!..» Не слышишь?... – глаза сэра Генри почти сделали финт «выпучивания» – словно у краба. Затем «дорогой» взял себя в руки.

Снова придирчивым взглядом осмотрел панораму, открывавшуюся из окна, после чего куда внимательней осмотрел жену. Она подумала, что в тусклом свете ночника, пожалуй несколько... бледновата. И взволнована.

Огромные же выразительные глаза наверняка черны, и словно занимают поллица.

– Послушай, любовь моя... Я действительно никого там не вижу... Только ради бога, не расстраивайся – ты в *таком* положении, – он подчеркнул эти слова, – Быть может, я был неправ. Знаешь, давай я завтра же увезу тебя в город. Подумаешь, проживёшь в гостинице. Тогда и мне не надо будет возвращаться сюда – сможем ночевать прямо там!

Кэролайн мягко выскользнула из его объятий, и снова взглянула в окно.

Меньше всего ей хотелось, чтобы её муж подумал плохо о её психическом состоянии... Словно оно неустойчиво. Нет – она в порядке!..

Но вот до неё дошло – она ведь смотрит прямо туда, где только что...

Но – никого там уже нет!

– Ф-фу-у!.. – она перевела дух. – Нет, мне уже лучше. Тьфу ты, чего только не померещится в ваших болотах!.. Нет, я уже никого не вижу! А представляешь – я так удивилась, что даже забыла испугаться!..

– Но что... Что ты видела?

– Вот эту женщину! – Кэролайн ткнула указующим перстом прямо в ненавистную картину. – Это была она! Она стояла на том, дальнем, берегу, и звала меня... Нет, не так – она звала какую-то Эльзу. А кто это – Эльза?.. Да и кто... сама эта женщина? – от намерения не расспрашивать о фамильных байках не осталось и следа, но она этого уже не осознавала.

Томас поморщился, словно от зубной боли.

Потом чертыхнулся: «Я же просил их!.. Болтуны чёртовы...»

– Да нет же, дорогой! Мне никто ничего не рассказывал. Так что не надо никого ругать. Это правда – мне никто ни о чём не говорил... Да я и не расспрашивала, собственно, ни о чём, и – никого.

Так – что?.. Поведаеть очередную «роковую легенду старого Замка»?! – в её тоне уже появилась ирония, а на лице – пусть осторожная, но – улыбка. Правая бровь чуть приподнялась – приглашая...

«Дорогой» ещё попытался отвертеться, бормоча что-то вроде: «Может, лучше не надо?», «Не люблю я эти старые страшилки...», и «Ну за каким шутком это нужно ворошить – прошло же двести шестьдесят лет!»

Но уж если женщина чего-то хочет...

Женщину на портрете звали Рэчел.

Вернее, её девичье имя было Рахиль, и происходила она из семьи, где каким-то боком затесались еврейские (Впрочем, весьма преуспевающие!) предки... Но благодаря неповторимой красоте и недюжинному уму она произвела столь сильное впечатление на наследного лорда Томаса Генри, что он смело проигнорировал все ворчливо-стереотипные возражения остальных членов семьи, и женился-таки.

В первые годы шла, разумеется, настоящая, (называя вещи своими именами) грызня.

Но весьма быстро Рэчел, как все домашние теперь называли её, доказала, что её советы приносят как мужу, так и семейному клану, только пользу.

Это она предложила вложить деньги в производство шотландского «скотча», и затем построить огромное хранилище для выдерживания дубовых бочек на срок в пять лет... (Кстати, дорогая, завод и склады до сих пор приносят неплохой доход!).

Это по её предложению сэр Генри прикупил земель, и тонкорунных баранов и овец на племя, и построил первый заводик по производству высококачественных тканей. И, между прочим, это ей захотелось оранжерею. Да и вообще – много чего ещё при ней было сделано и преобразовано. И всё – в толк!

Только одна женщина так до конца и не смирилась с плебейским происхождением миссис Генри – мать её мужа. Вот её-то и звали Эльза.

Да, согласен – странное имя для старинного шотландского рода. Возможно, назвали в честь пра-пра-бабушки. Её чуть ли не один из крестоносцев привёз из похода. И была она из германок...

Ну а её далёкая пра-пра... и так далее, внучка, ну вот никак не могла смириться с еврейской.

Согласно легенде, она-то и погубила бедняжку!

Нет, дорогая, я сам ничего не думаю. Я просто рассказываю, как ты просила. То, что передавалось из поколения в поколение... Что ты! Записей никаких нет! Да и чем тут гордиться?..

Тем, что мои предки вели себя подобно членам кружка рукоделия в любом заштатном городишке?.. Вот-вот, интриги, сплетни, откровенная клевета, ссоры с соседями, вероломные нападения на них, и их йоменов... Ну, раньше все феодалы так развлекались. Живи я в то время – и мне бы пришлось. Вот именно: «Ох-хо-хо!..» Ну а фрау... Пардон – леди Эльза...

Всё не могла успокоиться. Её сын был женат уже около двадцати лет. И трое сыновей росли крепьшами и были весьма умны и образованы... для аристократов. Старший уже был в Итоне, младших учили пока на дому. (Заслуга, кстати, целиком Рэчел.) И ещё была дочь – Оливия. Красавица – вся в мать. Ну, ей-то, собственно, вся эта история не повредила: её удачно пристроили замуж, и позже она уехала в Америку.

Так вот, когда отправили в Кембридж второго сына, Эльза пригласила письмом к себе дальнюю родственницу... С сыном. Обедневший дворянский род, и всё такое. Ну а сыну было около сорока, и он был вдов. Не скучно ещё?..

Ну да что тут рассказывать – ты и сама уже обо всём догадалась. Точно – как не была Рэчел благоразумна, Эльза смогла оклеветать её, и подстроить так, чтобы сын застал парочку на якобы свидании. Да нет, просто леди Эльза вызвала сноху в парк, под каким-то предлогом, а затем туда пришёл и этот... оболтус-бездельник.

Ну а сэру Генри достаточно было и показать их из окна спальни.

Рэчел, разумеется, оправдалась. Гостей... вежливо попросили убраться, но не раньше, чем сэр Генри сделал в бедре обидчика отличную дырку своей папирой. Что?.. Нет, по-моему, этот гад (Пардон!) выжил...

Но Эльза же – не успокоилась. Что там было вторым инцидентом – не помню подробно. Что-то, вроде, с укрыванием, и передачей части прибылей своим родственникам. Сэр Генри в бухгалтерии был не силён – возможно, и поверил. Но был и третий эпизод – уже вопиющий.

Когда муж Рэчел стал... э-э... несколько сдавать позиции, та решила восстановить его способности – знала она какой-то фамильный рецепт, ну, там, травы всякие, порошки, зола чего-то сожжённого. Словом, когда она готовила очередной такой состав, её и застукали. Ох, не вовремя это было – как раз в наших краях свирепствовал церковный Трибунал, и могло и для сэра Генри всё кончиться весьма печально. Могли и за детей взяться, и поместья лишить...

Но Рэчел не стала этого дожидаться – утопилась вот в этом самом озере. Оно тогда было, конечно, куда больше и глубже. Да, вот прямо в ночной рубашке и утопилась.

Нет, дорогая. Всё это только красивая легенда – пра-пра-дед говорил, что она просто скончалась от сердечного приступа.

Тем не менее, с тех пор местных девушек, не сохраняющих... э-э... невинность до свадьбы пугают: «придёт Рэчел, заберёт на дно глубокое, замажет глазки похотливые илом вонючим, заткнёт глотку травой водяной, и оставит в озере навеки! Хороводы ночами водить, да путников поздних с ума сводить...».

Нет, этот стишок я выучил ещё лет в пять. Он вроде дразнилки у всех окрестных детишек. Ну, ты же знаешь – дети обожают пугать тех, кто младше...

А ещё местные говорят, что иногда согрешившие девицы и правда – зов слышат... Народ тут довольно тёмный, и кроме своих наделов да овец ничем и не интересуется – вот и травят да поют байки по праздникам в кабаках, да на посиделках в гостях... Как звучит с музыкой? Не знаю, не слышал! Извини.

Да ладно тебе, не сердись! Говорил же, не надо всякий бред слушать. А мне – рассказывать...

Ну – иди сюда! Нет уж: раз разбудила – тебе не отвертеться... А чей это ротик?.. А ножка? Ой, скажите пожалуйста – прямо и чмокнуть в шейку нельзя...

Больше сказано почти ничего не было, но некие действия возлюбленного помогли Кэролайн неплохо... отвлечься! Хоть где-то подспудно заноза неудовлетворённости и осталась.

Утром «дорогой» снова отчалил, уже не на вызванном такси, а на своей драгоценной лекционной руине. И не жалко же гробить на таких дорогах... Да ещё – размякших и грязных!

Кэролайн встала пораньше – она проголодалась. Может, в этом виноваты были вчерашние волнения и игрища, или плод просил больше еды – но на завтрак она попросила не два тоста, а три, и кофе – двойную порцию. Майра ничего не сказала, но посмотрела на её чуть наметившийся животик очень выразительно.

Сегодня Кэролайн решила прямо с утра обойти злополучное озеро, в честь которого, собственно, и называлось всё поместье.

Прогулка пешком много времени не отняла.

За полчаса она осмотрела и поросшие камышом пологие травянистые берега, и сам мелкий, и почти полностью покрытый ряской и листьями кувшинок, водоём.

Ну ни на грош в нём не было таинственности и мистицизма. Запах тины раздражал, но она к нему уже немного попривыкла.

И, конечно, никаких следов во влажной глине она не нашла.

Скорее рассерженная, чем удовлетворённая, она вернулась в свою гостиную, и с полчаса честно пыталась отвлечься с помощью телевизора.

Сосредоточиться, однако, никак не удавалось. В голову всё время лезла вчерашняя сцена – женщина в ночной рубашке, тянущая к ней руки с дальнего берега озера... Но ведь она – не сумасшедшая! Не могло же ей всё – присниться?! Привидеться? Или – могло? Не сама же она себе всё внушила, насмотревшись на картину?..

Что за чушь! Позвала же она к окну супруга, и он осматривал озеро, и лес... Нет, спр-сонья, конечно, он мог и не заметить что-нибудь, скажем, тёмное, или маленькое.

Но ведь женщина-призрак была в белом. И не худенькая какая-нибудь – а ростом, наверное, с неё саму. Или – даже Майру, с её метр восемьдесят. Всё это очень странно.

Фыркнув и вздёрнув голову, она прошла в спальню.

Чёрт! Чёрт! Ч-е-е-р-т!!! Или, может, он и этого не заметит?! Но... Хм.

Нет, вначале осмотрим раму и полотно: может, всё же это – только глупый и жестокий розыгрыш?!

Но *зачем* кому-то разыгрывать её? Да ещё беременную? Ведь сэру Генри явно нужен наследник. Да и остальные должны понимать – как ни отвержен её супруг традициям рода, но если что-то будет раздражать или пугать его беременную супругу, он увезёт её прочь! А поместье, за ненадобностью, может и сдать в аренду... Или даже продать!

Нет, весь «окопавшийся» и пообвыкшийся персонал вряд ли заинтересован остаться без крыши над головой, и без прибыльной, и не слишком обременительной работы.

Вернувшись в гостиную, она достала мобильный. Всё-таки почти семь мегапикселей. А ну-ка...

С третьего раза получилось найти нужную точку, и занавеску пристроить так, чтобы всё было освещено. Трясущуюся не то от старания, не то от злости руку она вынуждена была под-держать второй рукой. Ну вот, теперь получилось резко. Готово.

Она ткнула кнопку, подождала. Нет – мало антенны. Ах, вот вы как со мной!..

Ладно – как с этим бороться, мы знаем... Она высунула руку с телефоном в окно.

А теперь – отправка. Готово. Осталось... подождать.

Ждать сидя она не смогла, и так и ходила по кабинету, покусывая губы, и кидая взгляды в окно. Проклятый пруд был виден как на ладони – сегодня он весело отлёскивал солнечными зайчиками.

Но вот и звонок! Надо постараться, чтобы голос звучал как всегда.

– Да, дорогая?..

– Привет! Нет, у меня всё нормально. Видишь – даже переслала тебе фото картины, которая висит у меня в спальне...

Возмущение в голосе подруги было неприкрытым:

– Это *такие* картины у тебя в спальне?!.. И как же ты можешь рядом с этим спокойно спать?! Ах, никак... Только сегодня заметила? Хм!.. Вот как?!.. Говоришь, лица не было видно... Ну, не знаю, не знаю – вот если бы ты догадалась заснять вчера... или когда прие-хала... Нет, мне такие изменения в картинах не встречались. Никогда! Но я бы уж точно с такой рожей рядом не легла!.. И даже не встала... А что говорит твой муж? Ещё не звонила... А собираешься?..

Тягостный разговор продолжался ещё минут пять, после чего Кэролайн не выдержала – сослалась на головную боль и закруглилась.

Зря она позвонила. Теперь задолбает напускной озабоченностью... Тоже мне, подруга.

А чего она ещё могла ожидать от этой дуры? Конечно, та не эксперт по старинным хол-стам и рамам. Да и она сама – ничего в этом не понимает.

Но... Всё – и рама и холст – вроде, то же, что и вчера, и позавчера...

Кроме того, что изображено.

Ну-ка, отошлёт она эту картинку мужу!

Его звонок раздался почти сразу.

– В чём дело, дорогая? Зачем ты прислала мне эту картину?

– А ты сам не видишь?

– Э-э... нет.

– То есть как – нет?! Тут же ясно видно приподнимающееся лицо! И глаза – вот чёрт! Они такие мертвецкие, жуткие... Неужели ты не помнишь – *раньше их не было!!!*

В тоне супруга проскальзывало теперь почти неприкрытое беспокойство и озабоченность:

– Дорогая! С тобой всё в порядке? Хочешь, я приеду немедленно? А хочешь – привезу и врача? В твоём положении лучше поберечься!

Уже чувствуя себя глупой истеричкой, она как могла спокойно, ответила:

– Нет, милый, не надо. Я знаю – у тебя сегодня важное совещание. Вот и проводи его. Я как-нибудь разберусь сама с... этой картиной и своим самочувствием. – ощущая вину за грубоватую отповедь, она всё же добавила, – Но я не буду сильно возражать, если ты вечером захватишь какие-нибудь пирожные... и ещё – кальмаров. Что-то меня на морепродукты потянуло!..

Милый облегчённо вздохнул, и поспешил уверить, что он непременно... Разобьётся в лепёшку... И т.п.

Уже успокоившись в достаточной степени, она всё же заставила себя вернуться в спальню, и ещё раз придирчиво и почти спокойно осмотрела предмет своих терзаний.

Странно. Нет же – рама точно эта же самая: тут трещинка, и тут – пятно от восковой свечи. Холст... Да нет – он покрыт точно такой же патиной, как и раньше. Чёрный лес. Отражение лица в озере. Хм. А если...

Придвинув стул, она забралась на него, и поковыряла ногтем краску на лице фигуры.

Ничего! Краска явно старая. И трещинки на месте. Никто тут ничего не подрисовывал. Да и трудно представить, чтобы Майра, Ганс, или шеф-повар ковыряли что-то кистями в мольберте, и подправляли старинный «шедевр»...

Тем не менее, мертвенно-блёклое лицо с белёсыми глазницами явно раньше не существовало. А сейчас оно нахально и злобно пялилось провалами с поволокой на месте глаз словно в самую её душу.

Чувствовалось какое-то мерзкое и кровожадное предвкушение в этом безликом взоре. Рот искажала кривая и недобрая ухмылка.

Нет, так не пойдёт. Особенно «в её положении»!

Ганс если и удивился её очередному приходу, весьма умело это скрыл.

Зато не смог остановить непроизвольного приподнимания бровей, когда она сказала, чего хочет. Вытерев руки от машинного масла, и сняв резиновые сапоги, он молча прошел за ней из гаража на второй этаж, а затем и в спальню.

Ни стул, ни ящик с инструментами ему не понадобились.

Придирчиво осмотрев картину сзади, чуть отодвинув ее от стены, он просто приподнял её и опустил на пол. Буркнув что-то вроде «Подумаешь, всего один штырь!», он перехватил тяжеленную раму поудобней, и с некоторыми усилиями вынес в коридор.

– Да, замечательно! – прокомментировала Кэролайн, когда картина была подвешена на почти такой же штырь, запримеченный ею раньше в одной из комнат нижнего этажа. – Пусть так и висит! Спасибо.

– Всегда к вашим услугам, миледи. – в тоне Ганса вообще ничего нельзя было почувствовать. Но если он и подумал что-то про капризы и нервозность хозяйки, вслух, естественно, об этом не сказал.

После того, как маньяк-автомеханик ушёл к своей железке на подставочке, Хозяйка замка с изрядной долей мстительности буркнула:

– Вот здесь тебе самое и место! – после чего гордо развернулась, и «проследовала» к себе.

«Дорогой» с видимым удовольствием наблюдал, как она с неподдельной жадностью расправляется с немаленьким кальмаром. После того, как тот побывал в волшебных руках шеф-повара, его резиновое мясо почти можно было есть.

Кэролайн отметила не без удивления, что у неё даже раздуваются ноздри: с таким аппетитом – вернее даже, вожделением – она раньше не относилась ни к одному деликатесу.

Нет, это точно – беременность изменяет её в самом непредсказуемом направлении.

Отужинав, она поковыряла и пирожное, но больше половины не одолела – «жор» прошёл.

Ладно. Теперь-то тебе, милый, не отвертеться... Она провела его к картине.

Картину сэра Генри рассматривал с неподдельным интересом. Покачал головой:

– Знаешь, дорогая... Я должен тебе честно признаться – этой картины я у дядюшки не помню. Собственно, когда я бываю в твоей спальне, тоже не слишком-то смотрю по сторонам. Да и вообще – рассматривать там что-то кроме тебя – глупо и... и по меньшей мере невежливо! Ты – моё самое совершенное произведение искусства!

Так что извини – если она и изменилась, я ничего не заметил. И какой она была – не помню.

Вот паршивец. – вяло подумала она. – Отмазался. Эстет чёртов. Ладно, ночью ему не отвертеться!

А картина... Чёрт с ней. Пусть висит здесь – назад уж точно сама не придёт!

Утром дорогой уехал чуть свет – даже её не будил. Да и правильно – нельзя будить уставшую женщину. Так что встала она в десятом часу.

Ну что? Будем придерживаться предписаний мужа и доктора?

После завтрака она погуляла – на этот раз по лесу. Не-е-т, с ним точно надо что-то делать. Конечно, он и тенист, и пахнет грибами, и мох просто замечательный... Но уж больно стыдно такой показывать будущим гостям.

Набежавшие тучи заставили её вернуться в дом. Вновь пошёл дождь.

Удобно расположившись с книгой – вязание она на сегодня отложила – в оранжерее, она подумала, какая молодец была эта Рэчел – и хозяйственная, и мужественная. Ещё бы – столько времени терпеть нападки свекрови, и всё ещё желать добра её сынку. Да и всему роду...

Ей в этом смысле повезло: мать Томаса возвращаться из своего швейцарского шале явно не собиралась никогда. Так что хоть с этим всё в порядке: замок хоть и запущенный, но – полностью в её распоряжении.

Чтение всё никак не шло. Она то прислушивалась к тому, как порывы ветра кидают крупные капли на стекло скошенного потолка, то невольно морщилась, разглядывая скрученные листья фикусов-пальм. Вот, решено: она посадит здесь бананы. Говорят, они даже плодоносят.

Просидев до обеда, она всё же не выдержала.

Вот уж синдром синей Бороды: если чего-то нельзя, или – лучше не делать, и знаешь, что лучше не делать – так ведь изведёшься, пока не сделаешь!..

Лицо на картине не изменилось. Но поскольку висела она теперь внизу, и окна коридора, выходящего на лес, частично затенены, видно всё тоже было похуже. А мобилу она не взяла – без подсветки ничего не заметно. Чувствуя себя идиоткой, она проследовала в обеденный зал, и позвонила. Майра сказала, что на обед – суп со спаржей, и ирландское рагу.

Отлично. Вкус оказался восхитителен. Или... Впрочем, так вот, сразу, она свои привычки вряд ли изменила бы... Значит – точно, это плод! Сегодня ему подавай мяса!..

После обеда она завалилась как была – прямо в роскошном халате и турецких туфлях – на старинное покрывало, и занялась телефоном. Да, она, конечно, свинья – но она ведь была так занята!..

СМС трём подругам, звонок бывшему однокашнику... Звонок бабушке.

Всё прошло традиционно. Она пожаловалась на скуку, и некое запустение своего нового «Родового логова». Впрочем, про странную картину рассказала только однокашнику – бабушку

волновать зря не хотелось. Поэтому ей она рассказывала про старинные гобелены первого этажа.

Потом телефон как-то сам прилёт рядом с ней на постели. И глаза почему-то стали слипаться... А что – она здесь Хозяйка! Может поспать и прямо так.

Проснулась она уже в девятом часу, от стука в дверь. Со второй попытки крикнула:

– Войдите! – и стала соображать, сколько же она проспала? Ого – пять часов! Что же она будет делать ночью? Нет, что будет делать – понятно. Но вот как же потом уснуть?

– Привет, ласточка моя! – дорогой был в плане комплиментов не оригинален, и новых ласкательных прозвищ не искал (Странно, да? Председатель правления банка – и так мало воображения!..), да и выглядел уставшим, – Ну, как мы сегодня? – он указал глазами на её животик.

– Привет, милый! Мы сегодня... изволили откусать супу. А рагу – даже попросили добавки. – она, зная, что ему будет приятно, погладила то место, куда он смотрел, – А ещё – мы спали!

– Ну, превосходно. А ужинать мы собираемся?

– Да, собираемся. А что там на ужин?

– Как – что? Ты же заказала украинский борщ и котлеты по-киевски?.. Ну, Эндикотт и постарался – не одну книгу рецептов перерыл. Идём?

– Идём! – не то, чтобы предложение снова есть вызвало бурный энтузиазм, но она знала – поужинать надо. Не хватало ещё бегать по замку ночью, и искать в холодильнике, чем бы заглушить сосущее чувство в кишечнике!.. А так бывало иногда, когда она не ела на ночь.

На лёгкую головную боль она решила внимания не обращать, приписав её необычному послеобеденному сну.

Сэр Генри торжественно подал ей руку, и она, войдя в роль, с королевской грацией соизволила покинуть монументальное ложе.

Ужин сегодня, для разнообразия, проходил при свечах – так распорядился Томас.

Ей не слишком понравилось – и так высокие потолки было плохо видно, а сейчас они словно вообще исчезли – одна чернота наверху. Словно сидишь в глубоком, пусть фамильном, но – склепе. (Тьфу-тьфу!)

Оживляли обстановку лишь отсветы в гранях роскошных семейных фужеров, куда Майра подливала: хозяину – сухое вино, хозяйке – сок.

Вяло поковыряв изящной ложкой из старинного серебра в вожделенном ещё шесть часов назад борще, Кэролайн, однако, весьма бодро разобралась с котлетой – сочное и восхитительно пахнущее мясо так и таяло во рту! (Она не знала, что за специи применил шеф-повар, но толк и в этом деле он явно знал!)

Дорогой, который хмурил брови, пока они ели первое, приободрился, глядя, как последняя крошка мяса была обглодана с обязательной косточки.

– Отличная котлета! – Кэролайн не скрывала энтузиазма, – Но добавки попросить не рискну... А то спать не смогу! Майра! Будь добра – передай мою благодарность Шефу!

– Обязательно, миледи! Ему будет приятно! – лицо самой Майры, впрочем, улыбалось явно механически. «Миледи» приписала это усталости и мерзкой погоде. Впрочем, дождь уже закончился – в окна не стучало.

В спальне она немного постояла перед пустующей стеной. Нет, натюрморт повесить придётся – стена без ничего выглядит глупо.

Пока они ужинали, окна оставались закрытыми, и сейчас ей захотелось вдохнуть пусть влажный, но хотя бы не спёртый воздух. Она распахнула створки обеих окон.

Стоять, облокотившись о подоконник, и нюхать запах, оставшийся после дождя, было приятно. Хоть здесь и скучно, и ощущается отрыв от цивилизации, но... Свои прелести есть и в «дыре».

Её философствования нарушил «дорогой», явившийся сегодня даже раньше обычного. Решив, что сам напросился, она «смело» загнала его на кровать.

– Эльза... Эльза! – вот чёрт, ошибиться нельзя! Голос тот же, и звучит словно бы ближе – как будто прямо из-под окна.

Кэролайн не была напугана – скорее, раздражена. Она только-только провалилась в полудрёму, и уже только когда голос зазвучал, поняла, что спит. Вот ведь дерьмо...

Обидно. Почти два часа она ворочалась, считала овец, играла в слова и перемывала кости подругам и родным... И – всё насмарку!

Подойдя к окну, она не удивилась, увидав фигуру в рубашке посреди озера, словно бы парящую над водой, и сказала довольно сердито, словно соседке в метро:

– Женщина, вы ошиблись! Никакой Эльзы здесь нет!

Чёрт!.. Показалось ей, или...

Фигура словно растерялась?!

Плечи дёрнулись, и руки чуть опустились... Ночная визитёрша даже замолчала, оставшись стоять с чуть приоткрытым ртом. Отлично. Придётся добить:

– И вот ещё что. Я хотела бы вас попросить – чтобы вы не приходили больше! Я не могу вам ничем помочь. А если не прекратите свои «посещения», я просто уеду. И мужа заберу.

Странно. Теперь фигура опустила протянутые руки, и словно бы выругалась. Причём – по-немецки! Почему это еврейка – разговаривает на немецком?!..

Поразмышлять над этим вопросом Кэролайн не удалось – под ягодицы её подхватила чья-то мощная рука, другая рука придержала её за плечо – и вот она уже летит прямо через окно!

Головой вниз она вонзилась в омерзительно холодную и вонючую воду. Только-только успела вдохнуть перед тем, как погрузиться! Проклятье!

Никак, её хотят утопить?!

Ладно, разбираться будем потом! Сейчас главное – выплыть! Шок и, вероятно, маленький помощник там, в её животе, не позволили впасть в панику, а заставили быстрее работать руками, в могучие гребки вкладывая волю к жизни, к материнству!..

Но что-то, или кто-то, схватив её снизу за подол ночной рубашки, не давал ей подняться к поверхности, упорно утягивая вниз – к тьме и тине. К смерти...

Сильно лягнув ногой, она почувствовала босой пяткой скользкую и холодную резину, и сделала ещё попытку вырваться, упёршись уже обеими ногами в эту ненадёжную опору!

Что-то разорвалось, она чуть продвинулась... Но тут воздух в горящих огнём лёгких закончился, и ей пришлось вдохнуть мерзкую воду – потому что ничего другого вокруг не было...

Джейсон неторопливо оглядел через ветровое стекло всю так называемую деревню.

Руки он продолжал держать на руле, и даже выйти из машины не соблаговолит.

Констебль О, Рафферти буркнул:

– Всего четырнадцать человек. Да и те – сплошь старики.

Джейсон кивнул. Равнодушным тоном поинтересовался:

– Здесь все дома заняты? В-смысле, во всех живут? – даже деревенскому полицейскому было понятно, что на самом деле горожанину глубоко наплевать на трудности местного быта, и он спрашивает только чтобы как-то поддержать не слишком интересный разговор.

О, Рафферти покачал головой:

– Нет. Вон тот... и тот – пустуют уже давно: лет шесть, и, значит, восемь. Хозяева умерли, а дети из города вселиться не спешат.

– Хм. Не могу их за это винить. – Джейсон говорил ровно, и как-то бесцветно. – После города здесь точно будет скучновато.

Он тронул машину, и медленно, явно оберегая подвеску, проехал через большую лужу прямо на окраине. Впрочем, он не слишком гнал и всю дорогу. Спокойно и не торопясь осматривал окрестности. Если что-то интересовало – спрашивал. Но констебля это уже слегка напрягло – складывалось впечатление, что его собеседник не слишком-то и прислушивается к тому, что ему отвечают.

Так что к концу получасовой поездки они не беседовали, а перебрасывались редкими и весьма банальными фразами. Конечно, когда Джейсона не интересовал местный быт.

– От деревни до поместья около двух миль? – О, Рафферти видел, что Инспектор уже глянул на спидометр, и, следовательно, всё выяснил, и спрашивает только из вежливости. Поэтому он тоже довольно равнодушно подтвердил:

– Да.

Поняв, что расширенного комментария не последует, Джексон решил уточнить:

– То есть, если даже кричать изо всех сил, в деревне криков не услышат?

– Ну... Скорее всего, нет. Разве что ветер будет дуть именно в ту сторону.

Джексон вновь кивнул:

– Понятно.

Припарковался он не доезжая до крыльца, под старым, и с частично обломанными ветвями, дубом. Всё так же не выходя, спокойно огляделся.

Только потом открыл дверцу, и, внимательно глядя под ноги – явно, чтобы не перепачкать дорогие туфли глиной – аккуратно вылез. О, Рафферти тоже вышел из машины.

– Значит, кроме повара, шофёра и горничной здесь всё это время никто не жил?

– Точно. Они и присматривали за поместьем все девять лет. Ну, правда, месяцев пять назад начались перестройки – готовили комнаты к приезду молодой миссис Томас Генри. Вот тогда здесь проживало пять строителей. Я отлично это знаю – у одного из них были просрочены въездные документы, и мы возили его в участок, а затем ему пришлось ехать даже в своё посольство – продлить визу. Я сам и отвозил его до станции. Иначе – только пешком.

– И – как?... Продлили ему визу?

– Да. Он потом зашёл показать. И поблагодарить.

– Понятно. А не припомните, как была его фамилия?

– Ещё бы не припомнить! У нас и в протоколе есть... Шмидт. Имя – Андреас.

– И, значит, все строители были из одной фирмы?

– Да.

– И закончили работы месяц назад?

– Да.

– Отлично. – равнодушный тон инспектора немного не совпадал со значением этого слова. Они как раз добрались, обходя редкие лужи, до массивной двери, и Джексон постучал в неё дверным молотком. Через полминуты створка отворилась.

– Добрый день, джентльмены.

– Добрый день, Мерчиссон. – О, Рафферти, уже побывавший в доме с утра, вежливо кивнул, – прошу вас, сэр... Это – Мерчиссон, дворецкий сэра Томаса Генри. А это – инспектор Джексон, из Скотланд-Ярда.

Инспектор вежливо кивнул, Мерчиссон, не изменив каменного выражения лица, тоже. Протянуть руку для приветствия никто из мужчин не удосужился.

– Прошу прощения, джентльмены, – введя посетителей в холл, Мерчиссон как бы чуть расслабился, – Сэр Генри будет только после семи. После того, как... забрали тело, и констебль всё осмотрел, – снова вежливый кивок. – он поехал в город. У него Совет Директоров.

– Понятно. – инспектор неторопливо осматривал интерьер, – Но нам, собственно, сэр Генри пока и не нужен. Я приехал не только побеседовать с ним, но и осмотреть – извините, констебль, – вежливый поклон О,Рафферти, – помещения.

– Понятно. Прошу вас... – Мерчиссон явно замялся, но привычка победила. – сэр. Куда хотите пройти? Я провожу вас.

– Благодарю, Мерчиссон. Если не возражаете, я бы хотел начать с покоев леди Генри, после чего и решу – что мне понадобится осмотреть ещё.

Попав в гостиную, Джексон прошёл в первую очередь к окну. Осмотрел затянутый ряской пруд за ним. Повернулся к дворецкому:

– Мне бы хотелось осмотреться внимательней. Поэтому не смею вас, Мерчиссон, задерживать – как только мы всё закончим, я спущусь к вам сам.

Лицо пожилого дворецкого не изменилось, но в глазах что-то промелькнуло.

– Да... сэр. Буду ждать вас внизу. – он медленно вышел, осторожно прикрыв за собой дверь

О,Рафферти достал было сигарету, но под брошенным на него сразу же предостерегающим взглядом поспешил засунуть её обратно в пачку.

– Констебль. – что звучало в голосе инспектора – равнодушие или привычка, определить было трудно, – Прошу вас присесть в это кресло, и по возможности расслабиться. Я предпочитаю осматривать всё так, как привык.

Следующие двадцать минут О,Рафферти вначале с интересом, а затем и с иронией наблюдал за, вроде бы, бессистемными переходами городской ищейки: от бюро – к дивану, и от телевизора – к окнам. В довершение инспектор с хорошей лупой осмотрел полы возле дверей, окна и подоконники.

Затем они перебрались в спальню. Констебль продолжил наблюдения из другого кресла, куда был снова вежливо усажен.

В спальне они задержались чуть дольше – инспектор куда большее внимание уделил подоконникам и... углам. В одном из них он даже постоял, почти прижавшись носом к стене, и дольше обычного глядя вверх.

Постель заинтересовала Джексона куда меньше – он даже не заглянул под неё.

Покои сэра Генри вообще не привлекли его внимания – бегло обойдя обе комнаты, инспектор сразу прошёл на первый этаж, и попросил констебля показать «ту самую картину».

Предмет мистических беспокойств молодой хозяйки О,Рафферти изучил ещё утром, поэтому мельком скользнул по ней равнодушным взором, куда больше внимания уделив тому, как инспектор возится с какими-то ватными тампонами, во что-то их обмакивая, проводя по раме и полотну, и пряча назад в контейнеры-тюбики, извлеченные из внутренних карманов добротного пиджака.

В завершение осмотра Джексон попросил помочь ему, и они вдвоём аккуратно сняли картину, после чего инспектор придирчиво осмотрел её оборотную сторону. Заняло всё это три минуты, включая сюда и манипуляции с тампонами.

После чего картину вернули на штырь.

В кухне, куда инспектор зашёл уже в сопровождении Мерчиссона, он осмотрел печи (снова манипуляции с тампонами) и окна. Вопрос шеф-повару он задал только один:

– Когда всё отопление и топки плиты перевели на газ?

– Пять лет назад.

Повернувшись к Мерчиссону, инспектор уточнил:

– Трубу провели от восточного газопровода?

– Да... сэр.

– А сэр Томас Генри перебрался из восточного крыла в западное недавно?

– Э-э... Да, сэр. Но он не перебирался. Он ведь здесь не жил. Комнаты оборудовали, когда он собрался жениться. Сам не въехал, а только бывал наездами. А ремонт в покоех... леди Генри начали только когда был назначен день свадьбы. Да, именно тогда он и велел всё переделать.

– Но ведь в том крыле не проведено отопление. Не проще ли было отремонтировать комнаты здесь, над кухней?

– Н-не знаю, сэр. Он... Может быть, боялся, что кухонные запахи будут... Э-э... Нет, не знаю. Сэр Генри не обязан делиться с нами своими планами и мотивами.

– Хорошо. Спасибо, Эндикотт. Не смею больше отрывать от дел.

Инспектор с констеблем вышли. Шеф-повар, мрачно поглядев им в след, переглянулся с дворецким, и вернулся к огромной плите, на которой что-то шипело и пузырилось. Мерчиссон развернулся и торжественно проследовал за представителями Закона.

В комнате Майры было буквально не повернуться – там еле помещалась постель, шкаф и стол со стулом. Сама хозяйка, когда инспектор с констеблем вошли, стояла возле изголовья кровати, сцепив руки на груди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.